

UNITED WISDOM

Жэнь и ли: человечность и форма поступка

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-03-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Жэнь и ли: человечность и форма поступка

Эпиграф

> *«Долг человека перед его ближним».*

Герберт Аллен Джайлз, «Религии древнего Китая», глава II. Собственный перевод фрагмента исторического изложения автора, а не цитата Конфуция. В окружающем предложении Джайлз расставляет приоритеты обязанностей; его широкое определение конфуцианства не принимается здесь без оговорок. Источник.

О чём эта статья

На небольшой встрече соседей Антон благодарит Веру за помощь с общей библиотекой. Он произносит все привычные слова, но сразу переходит к следующему вопросу. Вера хотела сообщить, что больше не может каждую неделю сортировать книги. Её благодарят именно в тот момент, когда ей нужно место для отказа. В нашей условной сцене никто не обязан быть злонамеренным. Однако внешне уважительный жест может затруднить действительный разговор. Как отличить форму, которая помогает отношению, от формы, которая его закрывает?

Конфуцианские слова жэнь и ли позволяют поставить этот вопрос точнее. Здесь человечность не сводится к приятному чувству, а форма — к набору красивых жестов. Мы прочтём выбранные места исторического изложения и переданного наставления, сохраняя различие между ними, затем исследуем собственную современную сцену. Это не решение спора о человеческой природе, не экзамен на подлинную доброту и не перенос старой иерархии в нынешнюю жизнь. Нас интересует, что поступок даёт другому человеку сделать и сказать, кроме соблюдения принятого порядка.

I. Два слова и три разных уровня чтения

Жэнь обычно передают словами о человечности; ли связывают с ритуалом, пристойностью и уместной формой. Перевод не исчерпывает их значения. В выбранной подборке «Лунь юя» Лайонела Джайлза рядом оказываются внутреннее отношение, исполнение обряда и живое переживание утраты. Это переданное наставление в историческом переводе, а не собственноручная запись Конфуция. Условный современный разговор не доказывает, как понимали эти слова все участники древней традиции. Он только даёт нам ограниченный предмет для сопоставления.

В книге Герберта Аллена Джайлза 1906 года нравственное действие выдвинуто на первый план, но его оценка религии зависит от собственных исторических представлений. Он рассуждает о китайской традиции через сравнения с христианством и резко оценивает соседние учения. Поэтому короткий фрагмент его авторского голоса не превращается в нейтральное определение всей традиции. Мы различаем полученное наставление, позднейшее изложение и собственный вывод. Если смешать эти уровни, наш удобный современный совет начнёт выглядеть древним предписанием.

Антону необязательно знать эти термины, чтобы заметить трудность. Он может спросить, что именно сделал его жест. Поблагодарил за уже выполненную работу? Пригласил к разговору о дальнейшем участии? Объявил вопрос закрытым? Одно предложение иногда выполняет несколько функций. Различить их важнее, чем присвоить себе почётное название человека, который уважает других. Содержание уважения проверяется здесь по доступной возможности другого ответить, а не по уверенности говорящего в хорошем намерении.

И Вера не получает обязанность немедленно раскрыть всю внутреннюю жизнь. Она может назвать один предел, попросить отдельное время или не продолжать разговор. Исследование формы не требует полной прозрачности человека. Достаточно выяснить, какой вопрос сейчас действительно обсуждается и чьи действия можно обещать. Если Антон говорит от имени всей группы, необходимо отдельно знать, есть ли такое согласие. Хорошая интонация не даёт полномочий распоряжаться чужим временем или выступать за отсутствующих.

II. Форма делает отношение различимым

Без формы внимание может оставаться только личным убеждением. Антон уверен, что ценит Веру, однако она встречается с неизменным расписанием и новыми просьбами. Ей недоступна его внутренняя благодарность как готовое условие участия. Нужны различимые действия: сообщить предмет разговора, дать ответу место, не обещать за неё. В этом смысле форма не мешает человечности, а позволяет ей получить адрес. Однако смысл такого действия не устанавливается одним правильным выражением; важно, что происходит после него.

Можно вежливо спросить о возможности помочь и продолжать говорить так, словно согласие уже получено. Можно предоставить время для ответа, но поставить человека перед всей группой, где отказ станет публичным объяснением личных обстоятельств. Это разные способы организации одной просьбы. Они показывают, что вежливость и доступная свобода ответа не совпадают автоматически. Наш вывод относится к условной сцене, а не сообщает психологический диагноз участникам. Причину конкретного молчания нельзя установить по его внешнему виду.

Полезная форма делает важное различие понятным заранее. Благодарность за сделанное не означает просьбу о следующем месяце. Предложение встретиться не является обещанием постоянной помощи. Сообщение о пределе не обязательно выражает неприязнь. Такое разделение не уничтожает теплоту разговора. Оно уменьшает число значений, которые приходится угадывать. Но ни точность слов, ни пауза сами по себе не гарантируют согласия. Другой человек вправе сохранить собственное решение, даже если просьба сформулирована внимательно.

У формы есть и предметная сторона. Вера может знать, кто получит книги, где их оставить и к кому обратиться, если она не придёт. Эти сведения позволяют действовать без постоянного личного угадывания. Однако процедура передачи книг не отвечает за отношения целиком. Она может быть ясной и одновременно оставлять неразрешённое огорчение. Поэтому разумно отдельно признать, что удалось устроить, а что пока не выяснено. Не каждый удачный порядок должен становиться свидетельством взаимной близости или полной нравственной зрелости.

Неясность не всегда нужно устранять новым подробным регламентом. Иногда достаточно одного уточнения предмета, а длинный список правил сделает простую помощь недоступной. Можно спросить, какая неизвестность действительно препятствует действию, вместо требования объяснить всё заранее. Для участников, хорошо знающих обычай, краткого жеста хватает; новый человек может не понимать, какое согласие от него предполагают. Уместность формы тогда зависит и от доступности её значения. Внимание к этому различию не требует объявить старую привычку неправильной целиком или новичка недостаточно воспитанным.

III. Чувство не заменяет поступок

Человек может искренне сожалеть, что другому тяжело, и по-прежнему оставлять ему весь прежний объём работы. Это ещё не доказывает ложность чувства. Между переживанием и изменением есть вопросы о возможностях, знании и готовности действовать. Если Антон признаёт трудность Веры, следующий шаг может состоять не в более сильной благодарности, а в прекращении нового обещания за неё. Такой шаг мал по сравнению с общей оценкой личности, зато его содержание можно установить без чтения чужих мыслей.

Иногда предмет помощи неизвестен. Вера хотела уменьшить частоту участия, а Антон предлагает купить новые коробки. Коробки могут быть полезны, но отвечают на другой вопрос. Поэтому человечность в нашем анализе включает внимание к различию между предложенным решением и заявленной трудностью. Не нужно считать всякую ошибку предложения проявлением равнодушия. Можно заметить несоответствие, уточнить предмет и признать, что собственного ресурса для нужного изменения пока нет. Честная

ограниченность предпочтительнее обещания, смысл которого никто не сможет выполнить.

Есть и обратный риск: признать только действие и потребовать немедленного результата от любого доброго чувства. Человек может быть занят значимым обязательством или не иметь необходимых средств. Тогда отказ от новой помощи не доказывает отсутствия человечности. Наш вопрос не сводится к подсчёту предоставленных услуг. Важно не выдавать своё участие за безграничное и не превращать чужую нужду в разрешение распоряжаться чужим ресурсом. Нравственная серьёзность не требует, чтобы каждый согласился на любой предложенный объём.

Это различение защищает и получателя. Ему не требуется признать помощь подходящей только потому, что помощник переживал искренне. Можно быть благодарным за намерение и не согласиться с конкретным способом. Можно вообще не знать намерения, но ясно видеть действие. Разговор о жэнь и ли полезен здесь как вопрос о соответствии внимания и формы, а не как средство доказать, кто из двоих лучше. Исторический термин не должен становиться последним словом, после которого возражение уже невозможно.

Забота может проявиться и в отсутствии новой просьбы. Антон не обязан постоянно приглашать Веру обсуждать её предел, если он уже известен и дополнительный вопрос не нужен. Повторное внимательное уточнение иногда незаметно возвращает человеку задачу снова оправдывать отказ. Различие видно по предмету: появились новые обстоятельства или прежний ответ просто не удовлетворил спрашивающего? Не всякое продолжение разговора является углублением отношения. Возможность оставить известный ответ в силе также относится к форме поступка и к пределу собственного действия.

IV. Ритуальная правильность не удостоверяет человечность

В прочитанных местах «Лунь юя» вопросы об отношении к обряду и о трауре мешают считать внешнее исполнение достаточным. Простота сопоставляется с избыточной отделкой, а переживание утраты — с точностью церемонии. Это не общий запрет сложных обрядов. В нашей современной сцене важен более узкий вопрос: какое содержание форма выражает и чего она не может доказать? Улыбка и соблюдённый порядок не позволяют достоверно установить ни внутреннюю доброту, ни отсутствие напряжения у участника.

После встречи Антон может заметить только видимое: Вера не получила времени объяснить предел. Этого достаточно для исправления организации разговора. Не нужно доказывать, что благодарность была совершенно пустой, или требовать от Веры оценить

искренность. Если обсуждение начинается с обвинения всей личности, конкретный вопрос легко исчезает. Возможность исправить одно действие не зависит от окончательного приговора о человеке. При этом признание ограниченного знания не обязывает соглашаться на прежний порядок до тех пор, пока мотивы не установлены.

И форма сама требует оценки. Обычай благодарить помощника перед всеми может выражать признание, но для конкретного человека публичность неудобна. Нельзя заключить, что раз обычай считается уважительным, его отказ означает неблагодарность. Можно предложить другое место или не делать церемонию. Современное изменение формы здесь является нашим решением, а не реконструкцией древнего разрешения. Участники вправе обсуждать нынешние условия без необходимости доказать, что их выбор уже одобрял исторический наставник.

Это не означает, что любая предпочтительная форма автоматически достойна. Просьба не слушать ни одного возражения тоже может называться личным удобством. Поэтому мы сохраняем различие между правом ограничить собственное участие и требованием управлять всеми чужими ответами. Вера может отказаться от нового дежурства; это не устанавливает за неё мнение остальных о библиотеке. Антон может предложить иной порядок; это не создаёт согласия группы. У каждой формы есть адрес, предмет и предел полномочий.

V. Общий порядок и возможность возражения

Историческая конфуцианская рамка включала различие ролей и иерархию. Было бы неточно объявить её готовым проектом сегодняшнего равноправного собрания. Наш собственный вопрос начинается там, где мы решаем, какие формы участия допустимы сейчас. Уважение к историческому предмету позволяет сохранить это различие. Мы можем учиться вниманию к поступку, не принимая весь общественный порядок прошлого. И можем критиковать нынешнее давление, не выдавая эту критику за буквальную цитату древнего автора.

На встрече роль ведущего даёт Антону возможность объявить тему и следить за временем. Она ещё не даёт ему права назвать решение Веры неуважительным. Особенно важно различать сам вопрос и способ его рассмотрения. Группа может нуждаться в понятном расписании, но из этой нужды не возникает чьё-либо бесконечное согласие. Если участников недостаточно, реальным итогом может стать уменьшение объёма общей библиотеки. Такой результат неприятен, но он честнее расписания, построенного на ещё не полученных обещаниях.

Порядок становится содержательнее, когда допускает уточнение собственной ошибки. Например, Антон объявил помощь Веры на следующий месяц, потому что перепутал

прошлую договорённость с новой. Он может исправить объявление перед теми, кому оно адресовано. Для этого не требуется заставлять Веру публично доказывать невозможность участия. Важен возврат к известному содержанию: какие слова были действительно сказаны и кем. Исправление не гарантирует, что огорчение сразу исчезнет; оно лишь прекращает повторять неверное обещание.

При серьёзном давлении, угрозах или зависимом положении обычный опыт совместного обсуждения может быть неподходящим. Статья не предлагает человеку проверить человечность принуждающего участника ещё одной уступкой. Важнее реальная безопасность и подходящая поддержка с учётом обстоятельств. Историческое уважение к роли не устанавливает права на насилие. Значимые обязательства и правовые последствия выясняются отдельно; наш пример не заменяет такой работы. Нельзя использовать короткую философскую пробу как разрешение оставить без внимания реальный вред.

VI. Повторение формы и её пересмотр

Повторяющаяся форма может освобождать от необходимости каждый раз заново объяснять мелкие действия. Участники знают, где оставить книгу, как сообщить о задержке и что считается завершённой передачей. Это удобство не требует сильного чувства к каждому участнику. Оно обеспечивает доступный способ сотрудничества. Однако привычка может пережить условия, ради которых возникла. Если число помощников сократилось, старый порядок дежурств уже не соответствует реальному ресурсу. Само его повторение не делает обещания более выполнимыми.

Пересмотр начинается с вопроса о функции. Что должна была обеспечивать форма? Сохранность книг, известное время доступа, возможность не дежурить постоянно? Какие из этих целей сохраняются, а какие перестали выполняться? Такой разговор точнее, чем спор о том, кто недостаточно предан общему делу. Он не превращает человека в безличный ресурс. Напротив, он позволяет назвать ограничение до того, как привычное действие начнёт восприниматься как само собой положенная услуга. И не каждая утраченная функция обязана быть восстановлена любой ценой.

Можно сохранить внешне ту же форму и изменить её условия. Благодарность остаётся, но просьба о новом участии обсуждается отдельно. Можно изменить форму целиком: вместо постоянных дежурств временно выдавать книги по предварительной договорённости. Ни один вариант не является здесь единственным философски правильным ответом. Выбор зависит от фактических возможностей и согласия участников. Историческое внимание к уместности полезно как вопрос, а не как лицензия ведущему объявить свой удобный способ обязательным для остальных.

Важно и то, кому достаётся работа по пересмотру. Если Вера сообщает об усталости и сразу получает обязанность разработать новое расписание для всех, её отказ преобразуется в ещё одну задачу. Иногда она готова участвовать в решении, иногда нет. Это следует узнать отдельно. Право поставить вопрос не означает автоматически обязанность исправить всю систему собственными силами. У общего порядка могут быть общие задачи, но распределение этих задач также требует известного согласия, а не нравственного предположения за другого человека.

Изменённый порядок стоит описывать тем, кого он касается, не раскрывая за Веру её личные обстоятельства. Группе может быть достаточно знать, что дежурства теперь реже и помощь на прежний объём не получена. Почему именно человек ограничил участие, не всегда является общим предметом. Это наша современная граница обращения со сведениями, а не утверждение о древней практике. Она позволяет исправить расписание без превращения чужого объяснения в публичную историю. Точная форма сообщения здесь поддерживает и действие, и ограничение собственного знания.

VII. Искренность без требования раскрыться

В историческом изложении Джайлза искренность соседствует с религиозными представлениями и гаданием. Мы не используем её как обещание предвидеть события или распознавать скрытую правду. Современному разговору достаточно более ограниченного требования: не объявлять согласованным то, что не согласовано, и не выдавать известное за неизвестное. Это наша редакционная граница. Она не даёт доступа к чужому внутреннему состоянию и не позволяет удостоверить искренность человека одним удачным ответом на собрании.

Антон может честно сказать, что надеялся на прежний объём помощи и пока не придумал другого решения. Вера может сообщить только, что больше не готова обещать этот объём. Ей не нужно представлять доказательства всех причин. Неполнота сведений не всегда является обманом; иногда это допустимый предел рассказа о себе. Важнее не дополнять неизвестное удобной моральной историей. Отсутствие объяснения не даёт оснований утверждать, будто отказ продиктован презрением к людям или отказом от всякой ответственности.

При этом частная граница не стирает уже принятый конкретный предмет. Если Вера взяла книги домой на хранение, нужно отдельно выяснить доступный способ передачи. Это не обязательно означает возвращение к еженедельным дежурствам. Разделение предметов помогает избежать двух крайностей: требовать всё прежнее участие из-за одной незавершённой задачи или объявлять любую задачу исчезнувшей после

изменения желания. Статья не устанавливает обязательства участников; она предлагает точнее назвать то, что действительно требует фактического выяснения.

После разговора может остаться неизвестным, как изменилось отношение. Не требуется срочно заполнить эту неизвестность новым ритуалом взаимного заверения. Можно знать только, что новое расписание не обещано, книги будут переданы отдельно и следующий разговор состоится при необходимости. Такой скромный результат не меньше реальности только потому, что выглядит менее торжественно. Форма становится содержательной, когда выдерживает ограниченность знания. Она перестаёт требовать от участников красивого завершения, которого пока нет в их действительном отношении.

Если Вера предпочла отдельный разговор, это не требует существования двух несовместимых обещаний. Личный формат можно сохранить, а необходимый результат сообщить группе в согласованном объёме. Отдельное время нужно для свободного ответа, не для тайного распределения обязанностей за отсутствующих. Так различаются приватность объяснения и известность общей задачи. Человечность не означает, что все должны узнать всё; содержательная форма не означает, что ничего важного нельзя сообщить. В нашем примере достаточно разделить полученное решение, его адресатов и те причины, которые остаются личными.

VIII. Сопоставление без общего приговора традициям

Наши прочитанные источники сами не говорят одним голосом. Полученное наставление исследует нравственное содержание обряда; историк начала двадцатого века предлагает собственную широкую оценку китайских учений. Можно сопоставлять вопросы, сохраняя разницу жанра и времени. Авторское обобщение Джайлза не служит доказательством, что вся конфуцианская жизнь была исключительно светской. Его противопоставление соседним традициям также не даёт права объявить их непригодными для обычной жизни. Мы берём ограниченный предмет, а не готовую культурную иерархию.

Соседняя тема о человеческой природе задаёт другой вопрос: что дано человеку и как возникает нравственное развитие? Здесь нам не нужно решать спор Мэн-цзы и Сюнь-цзы по одному поведению Антона. Независимо от выбранной теории остаётся доступный вопрос о встрече: мог ли другой назвать предел и изменилось ли обещание? Такое применение не отменяет философского разногласия. Оно лишь не требует использовать его как средство объяснить каждый отказ или окончательно оценить человека, которого мы знаем неполно.

Можно также увидеть связь с карма-йогой в различии действия и желаемого признания, но это не тождество оснований. В конфуцианском чтении наше внимание обращено к

содержанию отношений и формы; в выбранной религиозной рамке карма-йоги существенна цель освобождения. Благодарность за помощь касается обоих разговоров, но общий пример не создаёт единой доктрины. Современное сопоставление остаётся нашим вопросом, а не историческим свидетельством влияния и не доказательством согласия всех мудрых традиций.

Поэтому таблица связей в конце не служит набором авторитетов для одного решения. Она показывает, какие вопросы соприкасаются и где сравнение прекращается. Читатель может выбрать собственный предмет исследования и не принять предложенную аналогию. Право на несогласие важно и в отношении самой статьи. Если текст о человечности требует от читателя единственного правильного чувства или неизбежного совместного разговора, он повторяет затруднение нашей сцены: уважительная форма начинает распоряжаться чужим участием.

IX. Малое исправление вместо нравственного звания

Антон после встречи может сделать одно ограниченное действие: уточнить, что благодарность относилась к прошлой помощи, а будущее участие Веры не согласовано. Это не удостоверяет его добродетель и не обязывает Веру немедленно почувствовать облегчение. Однако известное содержание меняется. Группа больше не рассчитывает на обещание, которого не было. Малое исправление имеет собственную ценность без требования наградить его признанием. Возможно, оно будет замечено, возможно, нет; результат не сводится к приятной реакции окружающих.

И Вере не требуется определить, была ли вся встреча проявлением человечности. Она может оценить один предмет: стало ли её участие яснее, осталось ли невыполненное дело и готова ли она обсуждать новое. Некоторые вопросы требуют времени, другие можно оставить без окончательного ответа. Проба не предписывает продолжать общение ради завершённой истории. При опасности или принуждении она не имеет приоритета перед защитой. Философский интерес не создаёт обязанности оставаться в ситуации, в которой отказ наказывается.

Различие жэнь и ли удерживает двойное внимание. Форма помогает отношению проявиться; отношение даёт вопрос о содержании формы. Удаление одной стороны обедняет поступок. Только внутреннее чувство может остаться недоступным, только внешняя правильность может скрыть нерешённый предмет. Но соединение двух слов ещё не даёт готового критерия для всех случаев. Нам всё равно нужно знать реальные условия, видеть предел своего знания и не превращать исторический язык в разрешение обещать за другого.

Встреча соседей может закончиться сокращённым расписанием и отсутствием единодушия. Такой конец допускается. Более содержательная форма не обязана обеспечить гладкую общую картину. Иногда она впервые позволяет увидеть, что ресурс ограничен, мнение различается и новое участие не получено. Человечность в нашем ограниченном применении начинается с серьёзного отношения к этой реальности. Она не заменяет её словами о благодарности. И форма остаётся нужной именно потому, что людям предстоит действовать рядом, сохраняя разные решения.

Что это значит на практике

Если спокойное размышление подходит, выберите один небольшой повторяющийся жест: благодарность, просьбу или завершение встречи. Что он должен выражать? Какое действие после него считается согласованным? Есть ли возможность назвать предел без публичного объяснения всей жизни? Это добровольная редакционная проба, а не проверенный метод или экзамен на нравственное состояние. Её можно провести мысленно, пропустить или оставить; предъявлять запись другому человеку не требуется.

Разделите известное и предполагаемое. Кто действительно согласился, на какой предмет и в каких условиях? Что вы только надеетесь получить? Если обнаружилось обещание за другого, можно исправить его там, где оно было сообщено. Не требуйте благодарности за исправление и не объявляйте, что отношения теперь восстановлены. Известный результат может быть скромнее: больше не повторяется неверный расчёт, а важный вопрос остаётся открытым.

Выбирайте только посильное собственное действие. Можно уточнить тему следующей просьбы, предложить отдельное время для ответа или пересмотреть объём общей задачи. Значимые обязательства и последствия выясняются отдельно. При угрозах, принуждении или риске новая совместная проба не предписывается: важнее безопасность и подходящая поддержка. Слова о ритуале не обязывают соглашаться на унижение, а слова о человечности не делают ресурс человека бесконечным.

После пробы отметьте факты и неизвестность. Изменилось ли обещание, стала ли яснее передача дела, получили ли вы ответ? Отсутствие ответа не объясняйте за другого. Согласие, близость, хорошее чувство и продолжение участия не гарантированы. Достаточным итогом может стать точное ограничение собственного нового обещания. Жэнь и ли здесь помогают поставить вопрос о поступке; они не удостоверяют вашу личность и не выдают окончательный приговор чужой.

Ключевая цитата

> *«Практическая система для повседневного применения».*

Герберт Аллен Джайлз, «Религии древнего Китая», начало главы III. Собственный перевод короткого фрагмента его авторской характеристики конфуцианства. Это голос историка 1906 года. В соседних предложениях он оценивает даосизм и сравнивает китайскую этику с христианством; мы не принимаем эти широкие оценки как общий вывод. Источник.

Связи между традициями

Линия	Общий вопрос и предел сопоставления
Жэнь ↔ ли	Отношение и форма поступка рассматриваются вместе. Перевод двух слов не исчерпывает исторические значения.
«Лунь юй» ↔ Джайлз 1906	Обычная нравственная жизнь важна для чтения. Переданное наставление не равно поздней авторской оценке всей традиции.
Конфуцианская форма ↔ нынешняя встреча	Уважение должно получить различимое действие. Современное согласие не приписывается древней иерархии.
Жэнь и ли ↔ спор о природе	Нравственная работа остаётся значимой. Одно действие не решает разногласия Мэн-цзы и Сюнь-цзы.
Форма благодарности ↔ карма-йога	Сделанное и желаемое признание можно различить. Религиозное освобождение не тождественно конфуцианскому содержанию отношений.

Первоисточники

1. Herbert Allen Giles. Religions of Ancient China. Первое издание Constable, London, 1906; транскрипция Project Gutenberg №2330 содержит примечание о печати 1918 года. Прочитаны выбранное окончание I об обряде, искренности и гадании, вся II и начало III. Обе цитаты относятся к собственному изложению историка; вложенные канонические слова не цитируются. Его культурные и религиозные иерархии не принимаются как современная норма. Международное разрешение для любой операции не установлено.

2. Confucius. The Sayings of Confucius, translated by Lionel Giles. Историческая подборка 1910 года, раздел Individual Virtue: выбранные наставления о человечности, обряде и трауре с примечаниями. Прочитаны указанные контексты; весь сборник не заявлен

прочитанным. «Лунь юй» используется в ограниченном пересказе, без новой прямой цитаты и без предположения, что новый перевод создаёт новый бюджет того же произведения.

Теги

жэнь, ли, человечность, Конфуций, Лунь юй, конфуцианство, китайская философия, ритуал, форма поступка, уважение, искренность, благодарность, согласие, отказ, роль, иерархия, порядок, обычай, повторение, уместность, пересмотр, обещание, действие, внимание, ограниченность знания, исправление, ответственность, ресурс, добровольность, историческое чтение, Герберт Джайлз, Лайонел Джайлз

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.